

«Такие не попадались в плен!»

Интервьюер: Вялов Дмитрий (Александрович)

Оператор: Некрасов Кирилл

с. Парабель Парабельского района Томской обл.

11.02.2010 г.

Наша книга называется «Низкий поклон». Низкий поклон тем, кто в 40-ые годы XX века освободил мир от фашизма; тем, кто непосильным трудом в тылу приближал Победу; тем, чьё детство выпало на тяжелейшие военные годы.

Поисковый отряд «Долг» благодарит за понимание и поддержку Главу Парабельского района Александра Львовича Карлова и руководителя отдела культуры Ирину Петровну Фокину.

За консультацию и сотрудничество мы говорим огромное спасибо руководителю поискового движения в Томской области Максиму Анатольевичу Елезову и педагогу-краеведу из с. Каргасок Томской области Валентине Михайловне Зарубиной.

Книга издана при поддержке Департамента по молодёжной политике, физической культуре и спорту Томской области в рамках реализации проекта «Низкий поклон» - победителя областного конкурса на лучшие молодёжные проекты Томской области в 2016 году и направлена на формирование патриотизма в молодёжной среде и увековечение памяти о защитниках Отечества.

**Председатель правления
поискового отряда «Долг»
Лилия Шibaева**

Некрасов Кирилл, Залогин Иван Титович, Вялов Дмитрий.

11.02.2010 г., с. Парабель.

Фотоархив МБУК «Музей боевой и трудовой славы им. И. М. Деменина»

Иван Титович Залогин родился 12 ноября 1918 года в с. Алатаево Новосибирской области Нарымского округа (сейчас это Парабельский р-н Томской области) в крестьянской семье. Мать умерла, когда младшему Ванюше было всего три годика. Остался бобылём отец Тит Капитонович с во-

семью детьми на руках. Лес и река кормили, да и хозяйство было немалым. Иван с 1936 года работал в охотничьей артели.

В августе 1939 года был призван в ряды Красной армии. Служил на Дальневосточной погранзаставе в 40-й дивизии. Закончил срочную службу в звании сержанта. Когда началась Великая Отечественная война, полк, где служил Иван Титович, был переброшен на Западный фронт.

Враг рвался к столице. Среди тех, кто её оборонял, был помощник командира стрелкового отделения старший сержант Залогин. Сначала в составе 1162 стрелкового полка 128 особой бригады, затем в составе пулемётной роты.

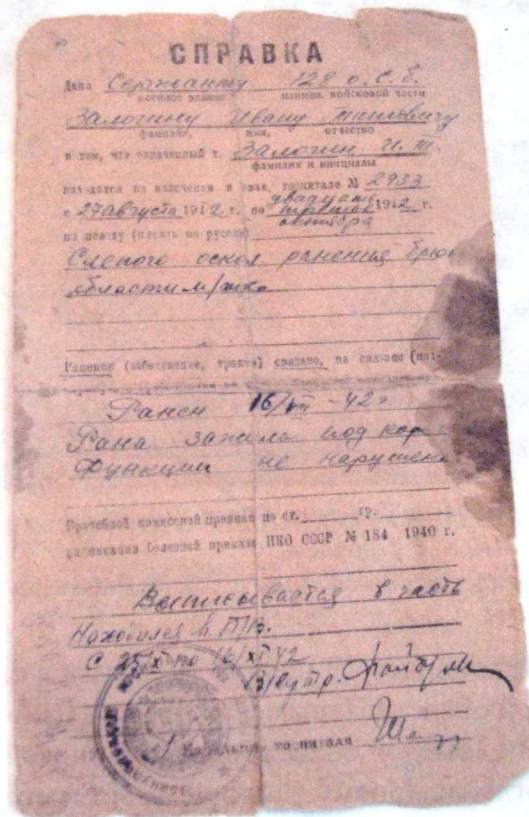
Три ранения получил Иван Титович в боях под Москвой. Третье ранение было тяжёлым: в жесточайших боях под Смоленском осколком снаряда оторвало старшему сержанту Залогину правую руку. В госпитале

руку ампутировали. Комиссовали бойца, как инвалида III группы.

Домой, в родное Алатаево, добирался Иван Титович из Томска где пешком, где на попутных подводах по берегу Оби.

Награждён орденом Отечественной войны I степени, орденом Красной Звезды, медалью «За Победу над Германией». В мирное время награждён медалью «За спасение утопающего».

Умер 16.07.2016 г. Похоронен на родной земле – в д. Алатаево Парабельского района Томской области.

Справка о ранении
16.VIII.1942 г.
И. Т. Залогина.
Личный архив дочери
Залогина И.Т. -
Н. И. Кульцевой.

- **Здравствуйте! Представьтесь, пожалуйста!**
«Залогин Иван Титович».
- **Иван Титович, Ваш год рождения?**
«Тысяча девятьсот восемнадцатого года рождения, двенадцатого ноября».
- **Где родились?**
«В Алатаево – село».
- **Когда попали на фронт и когда закончили службу?**
«В конце сорок первого. Выбрался в сорок четвёртом».
- **Где воевали. На каком фронте?**
«Под Москвой начал. Окончил под Смоленск/и/м. Это I-й Украинский. Ватутин командующий был фронтом».
- **В каких родах войск служили? Военная специальность?**
«О-о-о! Пехота и родная рота! Для того, что дал мне закурить! (Смеётся) Вот так. Пехота. Пулемётчиком был танковым».
- **Воинское звание, должность?**
«Старший сержант. Помощник командира взвода».
- **Вспомните предвоенные годы. Как люди восприни-**

мали нормализацию отношений с Германией в 39 - 41 годах?

(Поправляет усы) «Ну в то время с Германией чё-то, можно сказать, что не слышал: вроде бы жили, как надо. Как в 39 году призывался, кроме японцев... японцы шевелились одно время после боёв Хасанских. Но потом они заглохли. Их «угостили» там немножко. Ну а так, до войны с Германией, чё, жили да и всё, как люди. Никто ничё не говорил, что там чё-то готовится или что-то. Это когда уж война началась, тогда заговорили».

- Было ли в стране ощущение надвигающейся войны?

«Так... постой же... Ну чё, мне кажется, кроме японцев, не было, чтоб разжигалась война».

- Ну а как Вы лично воспринимали происходящее?

«Воспринимал как: ну, полезут – бить будем».

- Как Вы узнали о начале войны?

«Узнал я? Я на границе был, на Дальнем Востоке служил вот одно время. Ну, узнал, что Германия объявила войну. Да, в наряде был, прихожу: так и так, говорят... Потом отслужил смену – мы на фронт поехали, свой долг выполнять солдатский».

- А как Вы отреагировали, что началась война?

«Ну, конечно, плохо: тут у любого спроси – радоваться не будешь. Да... не игрушки, война – это не игрушка. Друг дружку били – вот и всё».

- Слышали ли Вы речь Молотова 22 июня 1941 года?

(Машет рукой, перебивает) «Нет, не слышал».

- А речь Сталина 3 июля 41-го?

«“Братья и сёстры! Друзья мои! Враг напал...”» Слышал!» (Кивает головой).

- Какое впечатление произвело оно на Вас?

«Ну чё? Впечатление? Ну как сказать? Не можешь сказать: такой-сякой-хороший. Хорошее впечатление: защищать Родину Сталин призывал».

- В каких сражениях, операциях Вам пришлось принимать участие?

«Первый раз – под Москвой».

- Что Вы освобождали?

«Что освобождали... Село освобождали. Сёла освобождали».

- Вспомните один или несколько наиболее ярких боевых эпизодов.

«Ну... эпизодов. Свои что ли?»

- Да.

«Хе. Ну враг идёт на меня: не буду я ему подставлять

*Залогин Иван Титович, 11.02.2010 г. с. Парабель.
Фотоархив МБУК «Музей боевой и трудовой славы
им. И. М. Деменина»*

спину. Я тоже с оружием на него. Я не только фрица, я даже лося убил там, на фронте. Лося убил. Понимаете... лося!?)»

- Какая минута, день, событие были самыми трудными, тяжёлыми и опасными?

(Задумывается.) «Они все опасны были в боях. Исключительно все опасные в боях. Вот только отскочишь, снаряд – Бах! – ты живой остался».

- Имеете ли Вы награды? Какие и за какие заслуги?

«Про них неохота говорить, про награды. Кто в тылу сидел, тот себе весил (машет рукой). За счёт нас и увесились вот так (ребром ладони проводит поперёк груди). Я не хочу даже таскать. Мне вот (берётся левой рукой за правый лацкан пиджака, где прикреплен орден Красной Звезды) за тяжёлое ранение – вот этот получил: тяжело раненный, не пошёл я в госпиталь, обратно вернулся, в ногу раненный был, в коленку. Ну».

- Ваше отношение к войне на разных её этапах. С какими чувствами Вы шли на войну?

«Чувствами? Да не с хорошими. Какие там чувства могут быть. Жить каждому охота было. Когда на войну идёшь – вернёшься или не вернёшься отсюда. Видишь, как? Вот так вот»

- С какими чувствами возвращались?

«Ну, с чувствами возвращался: хоть руку-то потерял, но всё равно живой остался. Какие чувства были... вот такие».

- А где руку потеряли?

«Под Смоленск/и/м. Лежал в госпитале я в Орехово-Зуеве под Москвой. А второй раз я не пошёл. Третий раз я в Москве лежал».

- Была ли вера в Победу, в правоту своего дела?

«А, тут вопрос интересный. Посижу-подумаю хоро-

шенько. А во... была! Всё же мы потом стали наступать, и наступать, и наступать. А то до Москвы дошли. Нам сказал тогда этот так (как же его?) политрук-то – Клочков. Вот. До Москвы дошли. Он говорит вот так вот: «Товарищи солдаты! Отступить нам дальше некуда/ы/, – вот – сзади Москва. Биться до последнего патрона!» Вот так вот».

- В начале войны Красная армия терпела поражение...

«Да».

- Иногда говорят, что тогда было много дезертиров. Никто не хотел воевать. Правда ли это?

«Ну как я могу сказать? Дезертиры, мне кажется, до самого конца были. Кому охота было в пекло-то лезть? Если с честной душой идёшь то/ко/, ну. Ну, мы, молодёжь, были воспитаны по-другому. Видишь, как. А старые вот... и дезертиры были, и всякие были».

- Как воспринималось в начале войны, что Красной армии приходилось отступать?

«Ну как? Да, хоть и говорят, что всё внезапно, внезапно. Да чё внезапно? Видимо, как сказать, предатели были. И предатели тоже были. Вы чё думаете: просто так? Хех, командующие были. Этот Власов вместе с армией ушёл! Вот так».

- Были ли среди Ваших знакомых люди, сомневающиеся в победе СССР над Германией?

«Про это как говорить? Не прислушивался. Не хочу говорить. Как скажешь?»

- Что Вы знали осенью 1941-го о положении под Москвой?

«Ну чё – положение под Москвой опасное было в 41-м, опасное было... Думали, что и Москву возьмут. Сталину

предложили, чтоб Главный штаб удалить, а Сталин не согласился. Выходит, глава испугался, а остальным чё делать? И бежали бы... Не согласился! И не отступили ни на шаг от Москвы! Вот и бились. Сразу ударили ему по носу, как положено, там укрепление-то было дело, слава Бо/г/. Я же был, видел».

- Как Вы узнали о параде 7 ноября 1941 года на Красной площади и речи Сталина?

«Постой же, парад, парад... Да. Оттудова на фронт сразу уходили. Всё же не упомнишь. Там тогда в голове другое было. Знаю, что под Москву когда подъехали, какой-то мост такой, а там часовые езд/ию/т наверху, на конях. Нам никому не разрешили уходить из вагонов под мостом строго-настро-г/у/. Вот. Сутки стояли. Вторые сутки только ночью вышли мы. И в Москву приехали – сразу высадили нас.

- Что Вы при этом чувствовали?

«А чё чувствовали? Воевать так воевать! Присягу принимал. В 1939 году я призывался в армию-то. Молодой был. Значит, надо! Воспитанный был в советск/и/м духе».

- Как Вы узнали о начале контрнаступления под Москвой?

«Ну чё узнавать, когда я сам там был, под Москвой. Там понаделали землянок. Там здорово было. Так что едва ли он (враг*) пролез. Землянки понаделали – было всё тёмом обшито, там чертёж был обсчитан.

- Что Вы знали во время войны о штрафных ротах и батальонах?

«А чё знали? Какà разница: что так убьёт и так убьёт. Штрафная рота – ты смотри! Ну вперёд! А мы чё – прятались что ли? Я тоже вперёд шёл.

- Есть мнение, что на передовой никто не кричал «За

Родину! За Сталина!». Это вымысел коммунистической пропаганды. Так ли это?

«Постой же... «За Сталина и Родину...» Я одного дурака видел, офицера. Увал сплошной... Увал здоровый, метров 80, наверное, пехота за н/ё/м, недалёко там, в снегу окопаны. Он пистолет выдернул, только не закричал: «За Сталина!», а «За Родину!». А у меня станковый пулемёт стоял недалёко там, в снегу окопанный. Смотрю: ему как дали – так он перевернулся туда, обратно (делает круговое вращение рукой) – вот тебе «За Родину, за Сталина!» Вылетел сокол! Наверно, снайпер его лупанул хорошо – сам показался. Воюй за свою Родину. Да и всё».

- Расскажите о своих командирах.

«А чё о них говорить? Были добры, были недобры. Один недобрый. У меня, знаешь чё? Он меня, знаешь чё, выгнал, я пошёл место отбирать, станковый пулемёт поставить, замаскировать, а он взял командира взвода – лейтенанта, в полушубке такая замухрыга... как-то говорил он... картавил, языком-то, хоть бы путный был. Взял их выгнал на чистое (поле*), а там в деревне немцы бегают, и только они там на чистом упали, выдрало землю, всю выдрало. А тут мина прилетела – ударила, и они там на чистом (поле*) упали ребята, одного сразу убило, а я как бежал, так там плетня загорожена от снега, снегозадержание, прямо в плетню туда воткнулся! Ребятам я говорю: «Давайте его сюда!». Снег пушистый пошёл такой, и этого убитого парня тоже прицепите там, ну и притянули к плетне, да. Т/аперь (теперь*) расскажу вам: солдат лежит, в ногу раненный, просит меня – это место (показывает на ногу), куда его пуля... Ну чё? У меня складник всегда с собой. Я ему разрезал валенок по сих пор (показывает на ногу),

ну и перевязал. Он крестился и молился (крестится), чтобы меня не убило (смеётся), да. Смотрю: командир роты кричит: «Залогин, ты, – говорит, – сумеешь, – говорит, командиру взвода перевязку сделать?» Метров 15 лежит, – я к нему подползаю, а он лежит вниз лицом и: «... (рычит)», а я ему матом: «Ты людей гонишь куда-то, ничё не понимаешь/, да». Ему между лопаток осколком всадило (закидывает руку за спину, показывает) прям, он в полушубке был. А как его перевязать, вижу: кровь у него из р/о/та идёт, а сам вижу – сдохнет, да. Смотрю т/аперь/ (теперь*) – санитары, двое ребят бегут, с санк/и/ми (санками*). Я им махнул. Они подбежали: «Забирайте его!». А чё ему? Разрезал тут немножко, бинт у него вытащил, затолкал, положил на эту рану, да и всё. А чё я с ним сделаю... на снегу? Ну. Вот двоих приходилось...».

- Есть мнение, что советские военачальники не заботились о сбережении жизни солдат, не стремились воевать с меньшими потерями...

«Да, да, да!!!»

- Что вы думаете об этом?

«Плохо думаю...»

- Кого в армии считали наиболее выдающимися полководцами?

«Ну кого? Жуков - полководец добрый...»

- Есть мнение, что Жукова на фронте не любили, называли мясником. Вам приходилось тогда слышать что-нибудь подобное?

«Мясником!? А как это? Толкал людей что ли? Я не слышал.

- Возникали проблемы на национальной почве?

«Нет».

- На фронте были люди разных национальностей?

«Да, да».

- А многонациональность - это плюс или минус?

«Плюс. Ну чё... так же воевали, как и я. Тунгусы были – таёжные «звери», остяки, к/ы/ргизы, узбеки, таджики, татары были».

- Повлияло ли участие в войне на Ваше отношение к религии?

«К религии? Ну как тебе сказать? У меня сейчас Бог есть, и тогда был, и крест таскаю - вот он. На шее висит/ся/» (показывает крестик).

- Что запомнилось из встреч с населением во время наступления?

«Встречали хорошо, даже с хлебом встречали. И одна женщина кругл/у/ булку прям подта/шшы/ла, только в деревню зашли. Я говорю ей: «Нельзя, вы сами голодные». Я не взял.

В одной деревне мы зашли (деревня хорошая такая), крайний дом, да, крашено всё – летом дело было, осенью уже. Я в сад зашёл, воротца открыл. Ребятам говорю: «Воду возьмите в колодце». Ребята только зашли, а там старик со старухой. Старик подходит и говорит: «Ну вот, – говорит, – и встретили наших»» (улыбается).

- Каким было отношение к врагу, каким Вы его видели?

«К врагу? Кто на меня идёт – тот, значит, враг, а кто нет – тот не враг. Я так считал».

- Первый враг, которого Вы увидели? Ваши чувства, впечатления, отношение к врагу вообще?

«Первый враг меня хотел убить, но я вперёд его опередил. Он раненый лежал, да, и винтовку начал направлять

на меня. Я его винтовку выдернул, я говорю: «С ней пришёл – от неё и получай!» Затвор передёрнул, вот и всё».

- А Ваше отношение к пленным каким было?

«Ну а чё пленные? Пленные – как люди».

- Что представляло наибольшую сложность в быту?

«Когда боя нет, а чё будет сложным? Сидишь, ждёшь, да и всё. Вот когда вперёд – вот тут опасно, сложное дело. Мне снайпер угадал вот сюда в ложку угадал, во (показывает на карман брюк). Лежал ничего и уполз на четвер/ошках/ (четвереньках*). Ложку прострелил, ложка алюминиевая в кармане здесь была. Он угадал, она разорвалась, всё порвало, весь карман, тело ни/скоко/ не задело, вот так вот».

Из фондов МБУК «Музей боевой и трудовой славы им. И.М. Деменина (с. Парабель Томской обл.) Экспонаты подарены И.Т. Залогиным музею в 1985 г.

- Боевая техника, оружие – своё и противника – на равных шла борьба или нет?

«Ну чё, противник хорошо вооружён был, да и стреляли они неплохо. Просто, я скажу, отлично немцы стреляли. Так/о/ место выберут, такой полигон, где можно молотить нашего брата хорошо. Вот так. А у нас чё? Винтовка, ну автомат ППД, ППБ было, и так – ручным пулеметом, танковый пулемет. Это вот пехота».

- А Ваше личное оружие? Чем оно было для Вас?

«У меня было всякое оружие: и карабин был, и автомат был. А главное – пулемёт. Хоть там расчёт был, у меня там был расчёт: пять человек его обслуживал, я шестой, грозным оружием он был. Но опасно из него было, долго нельзя стрелять, а то накроет мгновенно. Приходилось так: только отскочил – тут бах! – снаряд, тут воронка вот (делает круговое движение рукой), танковый пулемёт в сторону свалился, это зимой, чуть задержался и всё – готовый. А мы двое с Уваровым были как раз. Остались возле /е/го двое, остальные ранены да убит/ы/ были. Я говорю: «Хорошо, что отскочили». А там предатель сидел – командир батальона. Нам приказал отскочить от танкового пулемёта за этот... за увал, а их – за пулемёт. Ну они с ним схватились: политрук – капитан и командир роты – старший лейтенант. Ну, пока они с ним там того... тут – бах! И снаряд! Об/ди/ бы они накрылись там. Видимо, уничтожить хотел... А утром пришли, оттуда – из землянки его вывели, увели по траншее. Кто он, если так разобраться? А мы так считали: это враг сидел – мы так считали. Можно бы было, я бы сам ему гранатой запузырил бы в землянку. Сидит с этим связным там и всё – ему ж нельзя так. Рацию име/т/ и всё... и разговарива/т/ – значит, с немцами связь имел».

- С какими развлечениями в минуты и часы отдыха приходилось встречаться солдату за годы войны? Песня,

выступления артистов, концерт фронтовой бригады?

«Да, приходилось... Даже двигаешься на фронт, догоняет бригада, останавливается, и давай! Ну так, не днём – вечером так это, темн/ет/ когда. А там – в обороне стояли у Днепра – приезжали к нам артисты, с одной даже сплясал. Там девочки... хорошие девочки. Чё, пять или шесть ли девочек было, два парня. А нас по очереди – мы же на передовой стоим – в обороне Днепра, по очереди мы ходили туда, человек по пять: не бросишь же оборону, не пойдёшь концерт смотреть. Им-то чё? Ну недалёко так: низина как раз идёт, там подыматься надо, вот. А там бор идёт, вот, вот они там, так/а/ ложбина больша-а-ая... вот в этой ложбине там они – танцы и пляска. Я гирю там под/ы/мал, двухпудовую гирю, подымал здорово: вот так беру и (поднимает руку вверх) квёрху и так вбок возьму – и квёрху, и все удивлялись, все хлопали, все аплодировали там м/еня/. Вот так».

- Как Вы можете охарактеризовать отношения на фронте между мужчинами и женщинами?

«Так вот женщин я их чё-то мало видел, в медсанбатах, в санротах то/ка/. Санбат от передовой находится где-то 10 километров, был я в санбате, он в таком месте находится, где бор кругом: прикрывать-то надо от воздуха, вот».

- Водка, спирт на фронте – помогали они воевать или мешали?

«Водка... А/х/а, может быть, дуракам и помогала. Я не пил и не лез. Вот такие и лезли «Вперёд! За Родину!». Понапьёт, да не зна/т/, чё делает. Ему и влèпят».

- Когда и откуда Вы писали домой? Что сообщали о себе?

«А мне домой писать некому было, да. Правда, сестре

писал – на Васюгане работала на почте» (Залогина (Беляева) Руфина Титовна).

- Когда и где Вы были ранены?

«Ну, первый раз под Москвой был раненный, лежал в Орехо-Зуеве (в госпитале*) два с половиной месяца. Орехово-Зуево недалёко от Москвы, километров десять, двенадцать ли. Ну потом, второй раз я не пошёл, вот (показывает) в ногу раненный был. А вот третий раз я лежал в Москве, в госпитале, четыре месяца».

- Как и кто оказал Вам первую медицинскую помощь?

«Это история. Её надо рассказывать с конца. Вот так».

- Ну Вы расскажите её.

«А будете слушать?»

- Да, конечно!

«Вот с этим делом (показывает на пустой правый рукав). Да?»

- Ну, конечно!

«Ну чё рассказывать? В одном месте тоже надо было взять деревню там. Ну и вот: задача была поставлена, и всё, приготовились. Пошли, через речку перешли, сначала мост перешли, потом прошли по дороге, с дороги свернули, через речку перебрали мы. Два взвода нас было. Пехота – вперёд, пулеметчики, мы, сзади. А с этой стороны тоже к лесу кряж идёт, лес – высоко-о-о-к/ой: там наблюдатель сидел, да. Ну чё, пехота прошла. Пулемётчик впереди шёл, метров семьдесят, да: слышит, чё-то шумит. (Противник*) как беглым (огнём*) даст, как начал нас понужать по первому взводу! И тут яма большая – видимо, воронка была большая, видимо, бомба как/а/-то падала – там не будешь осматривать. Дело к вечеру было, уже солнце закатывается или закатилось оно... Ну и я

в эту в воронку вскочил, ну и ребята вскочили, пять человек туда же, да. Слышу: снаряд перелетел! Ребятам толкую, я говорю: смотрите, через нас снаряд перелетел, он перелетел, разорвался метрах в семьдесят или восемьдесят от нас, но по центру он летел. Это было у меня, я знаю, да. И только сказал ребятам «Выскак/ы/вайте из ямы!» – и сразу выскак/ы/ваю и вот так вот упал (демонстрирует), слышу, это место всё онемело (показывает на правое плечо)! Взглянул: а руки-то нет у меня! Её туда отбросило, за спину. Вот ударило, видишь как, да. Ну чё т/а/перь?! Развернулся я, и прямо туда и скатился, на убитых на этих. Даль/че/ (ранее*) командир роты привёл мне молоденького младшего лейтенанта, красивого такого, сказал ему: «Мы потом тебя куда-нибудь определим. Подчиняйся Залогину». Младший лейтенант – парень красивый, большого роста. Ну кого вы пихнули? И вот он на задницу сел, ему череп вот так (проводит рукой вдоль лба*) расколело, пополам. Эта половина (отводит рукой влево) туда отвесилась. Когда я в яму скатился, на него взглянул. А там четверо сидят-захлёбываются, лежат. Когда я на него взглянул, мне голову обнесло, я сознание потерял. Ночью очнулся. Сколько я лежал – не помню. Ночью очнулся, ну чё же? Лежу вот так вот, кверху смотрю и думаю: «Ну не помирать же мне в этой яме!» – буду выбираться. Пока я живой – буду выбираться. Помирать буду, где как придётся, да. Ну как выползть? Развернулся, сел на задницу, развернулся спиной к кромке ямки – и давай ногами упираться и этой рукой (левой) (демонстрирует) поддерживаюсь. Выполз я наверх, лежу т/а/перь/ наверху. Ну ладно, всё, думаю. Полежал. Подыматься бы мне надо бы. Как подыматься начну – тяжело. Подыматься надо! Давай подыматься, ворочаться. Сперва на эту коленку помаленьку-помаленьку на коленку,

на вторую. На коленки я встал. «Теперь чё? – думаю. – Теперь мне подыматься надо». Начал подыматься. И вот только вот так вот (поднимается с кресла), только так вот начну, мне голову обносит, я падаю. Сознание теряю, падаю. Когда очнулся – опять. На четвёртый раз я стал подыматься, мне голову стало обносить, я начал приседать, чтобы опять не упасть-то. Прошло, я выпрямился. Стою т/а/перь/. Речка тут недалёко – где-то метров шесть-семь, может быть. К речке пойду, ну. Пить охота, да. Ну, речка вот так была (проводит рукой по колену) – перебрести её. Но как двигаться? Сижу – вроде ничего. Дошёл я. Теперь надо спуститься. А высота, как тебе сказать, от потолка вот так вот идёт (проводит рукой черту от потолка до пола) – к речке спуститься. А там место отлогое, вот так вот, место отлогое идёт. Подошёл я. Ну как, мне т/а/перь/ сесть надо, да. Опять на руку свалился, ну и давай помаленьку туда. Скатился, ну скатился: вода – вот. Т/а/перь/ сижу уже, думаю: «А говорят, что плохо пить раненному. Сам думаю: выпью и затушусь свечкой. Думаю: пить я не буду. Пойду я краем. Вот место отлогое, пойду краем. Пошёл я краем, помаленьку так двигаюсь-двигаюсь-двигаюсь. Двигался-двигался, да шёл всё: дальше мне некуда/ы/. Вот подходит вот так (показывает рукой), и обрыв вот такой вот. И по обоим сторонам лес, и речка туда втекает и поблёскив/ат/, ночью потемнело. Ну чё? Я постоял-постоял. Ну чё, думаю, надо мне снова лезть опять туда, кверху, на бор-то. Шаг шагнул, чё-то ноги скользнули, упал нич/ку/ (ничком*). Ско/ко/ я лежал – не помню. Когда очнулся, ну как подыматься? Будешь думать – жить захочешь! Сам думаю: буду так вот подыматься: согнусь вот так да выпрямлюсь, ногами вот так вот (демонстрирует) на боку вот на эт/и/м (изображает*), и так я залезу, и опять туда давай. Залез я туда, залез, ну чё,

вставать т/аперь/ надо, вставать надо. Начал подыматься, чё-то стало обносить. Я начал приседать. Смотрю... прошло. Я выпрямился, встал. Ну чё, теперь краем пойду речки так помаленечку, хых. Ну и давай двигаться. Место хорошее, чистенькое. Лес идёт так это, мелкий так идёт, соснячок, берёзничек, и речка с об/о/их сторон, прикрыва/т/ её лес: берёзничек, соснячок. И так иду. Но вот слышу: бричка загремела. Бричка загремела, да, я остановился. А там бой идет, бой шумит, гремит всё. Вокруг деревни, которую надо было брать. Трескотня, автоматы, гранаты рвутся, да. Думаю, чё же это: бричка прогремела, и всё затихло, да. Ну ладно, пойду я. Вот иду, иду, иду. Встану – постою. Бой идёт. Кто кого убьёт, интересно, там /ща/с? И думаю тоже, где кряж, наверное, там наблюдатель сидел. Нас увидал, с одного снаряда накрыл нас! Да. Ну и ладно! Чё т/аперь/. Смотрю, ка-а-ак треснет впереди! Ну чё – выстрел? Нет вроде бы, не выстрел, да. Стоял-стоял, ну пойду помаленьк/а/. То/ко/ немножко пошевелился, опять ка-а-ак треснет! А/х/а, кто-то чё-то лома/т/ там, впереди, куда я иду. По направлению правильно иду, я знаю: там мост, через который переходили. Ну чё? Затихло, иду. Шёл-шёл. Вот смотрю: осветился – огонёк, просто вот такой (показывает пальцами маленький круг), просто как будто кто прикурив/ат/, спичка загорел/а/ и погасла. Ну чё? Потом опять полоса. Вот такая длиной будет полоса (показывает перед собой небольшой отрезок), вот такая шириной, тоже осветил/а/ и погасла. Угу. Сам думаю, постою. Ни звука, ничего. Опять шёл-шёл-шёл... И вот чё-то шёл, вправо в сторону взглянул от речки-то, где вот-то идёт. Смотрю, а вон... человек лежит. Лежит: ноги так разбросаны, руки тоже так. А/х/а. Так чё это – мёртвый? Да. Вперёд так взглянул, наискос, смотрю: а вон лошадь стоит, вон лошадь стоит в

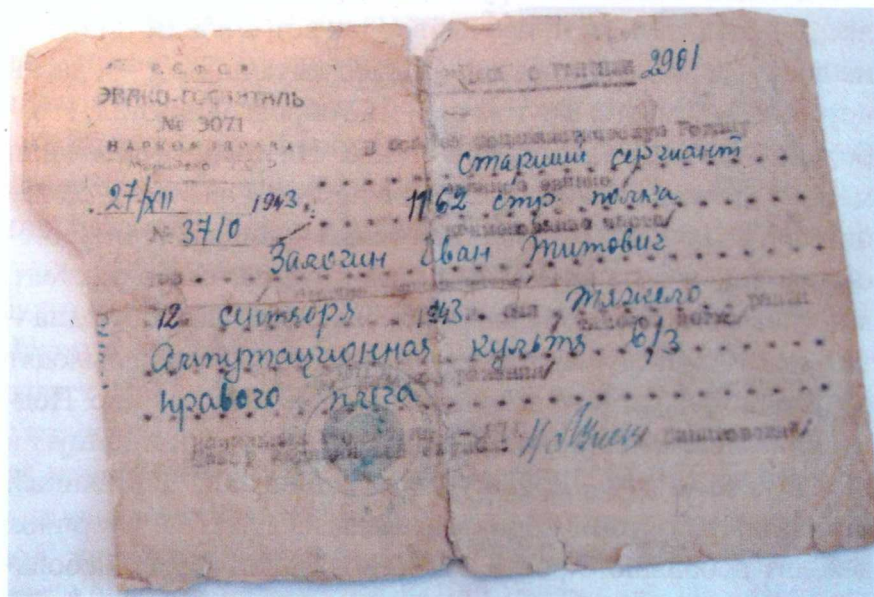

упряжке в соснячке. Ну хорошо её видать. А/х/а, а та/аперь/ к речке иду – а вон где кухня стоит, против меня. Кухня – это огонёк-то. Дрова-то она ломала. Я говорю: «Я пить хочу!». Вот. Она встала. Я опять: «Я пить хочу!» Она бежит. Подбежала девушка, на меня взглянула, я ей говорю: «Я пить хочу!». Она убежала. Ну, видел, что она мне воду та/шшы/ла, я видел. Очнулся тогда, когда двое меня в головах поддерживают, один посередке стоит.

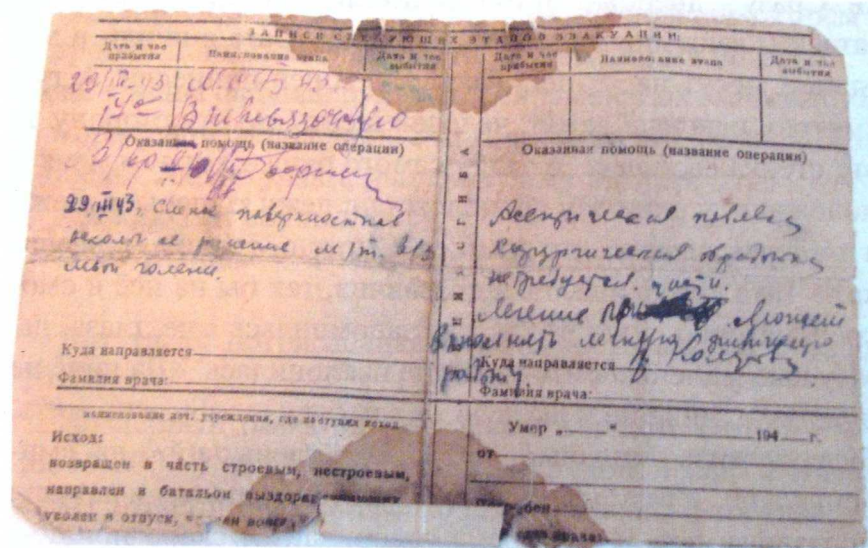
- А кто это были?

«Санвзвод! Это хорошо: я угадал хорошо. Просто, Бог-то, видимо, есть! Да. И вот, ну чё? Я на эт/и/м боку лежу (на левом*). Он дощечку мне положил вот так (демонстрирует). Двое в головах поддерживают меня, он посередке меня стоит, дощечку положил вот так вот, на бок мне, и тянет из-под меня, тянет. Вытягивает рукав, смотрю – а там рука оказалась, чёрная такая, вот, клочок вот так вот, а/х/а. Её положил на доску до конца, привязал – марлю выта/шшы/л – и давай кругом обматывать. Кругом шеи мне обратно помотал. И забирают мен/е/ на повозку, что стояла. На повозку положили меня, и кто меня вёз и как вёз, я не помню. Очнулся я. Довёз он меня до конца. Когда я глаза открыл – лошадь стоит, со-о-о-лице так хоро-о-ошо так светит. Поляна, сосёнки стоят, вон (показывает рукой) палатка большая стоит: там одна – там одна. А я лежу на бричке. Смотрю, две девочки выходят из большой палатки, с носилк/и/ми прямо идут ко мне. Подходят ко мне, меня забирают, ложат на носилки и т/ошшу/т в палатку, вот в эту – большую – зата/шшы/ли. Деревянный стол длинный стоит, положили меня на стол, да. Старичок заходит небольшого роста, такой вот (показывает), небольшого роста, усики сивые, как вот у меня, да, хы. Голова сивая и этот надетый на него – колпак. И халат на нём. Он од-

ной чё-то шепнул, девушке одной чё-то шепнул, вот. И та такой кружок к р/о/ту подносит – а я лежу навзничь – такой кружок ко мне подносит: «В себя, – говорит, – вдохните». Я как в себя дыхнул – и больше ничё не помню. Очнулся я: в палатке лежу. В палатке лежу, забинтованный, руки нету, живот забинтованный, эта рука, вот это место (демонстрирует запястье левой руки) забинтована. Вот бы сфотографироваться! Ну и вот. Ну и чё: недолго времени прошло, и заходит вот этот врач в палатку. А палатка небольшая, вот. Тумбочка стоит, графин с водой, да. И стаканчик, салфеточкой накинутый. Заходит: «Ну как, мил-человек?». Я говорю: «Пока ничё не чувствую. Боли нету». «Так вот что, – говорит, – руку мы твою тебе не могли спасти, с руки всё обрезали (рукав*), сняли – и рука отвалилась. Ну жить ты будешь. Ты парень крепк/ы/й, выносливый».

Справка о ранении И.Т. Залогина 12.IX.1943 г. Личный архив дочери Залогина И.Т. - Н.И. Кульцевой.

Справка о ранении И.Т. Залогина от 12.IX.1943 г. (обратная сторона). Личный архив дочери Залогина И.Т. - Н.И. Кульцевой.

«Я, – говорит, – вижу, я многих уже пропустил. Ну чё, – говорит, – мы /ща/с ждём, – говорит, – автобус должен подойти, тебя погрузим и отправим по назначению». Ну. Ну ладно. То/к/о он вышел, девушка заходит. Ставит мне этот, градусник. Села на кромочку (кровати), сидит, на меня смотрит. Я на неё смотрю и говорю: «Я жить-то буду, девушка?». «Будешь, будешь жить». Ну ладно. Она мне говорит: «Мы ждём автобус, он должен подойти. Тебя погрузим и отправим по назначению». Ну ладно. И вышла. Да. Ладно, недолгое время, смотрю: заходят с носилк/и/ми эта девушка, там ещё одна, /лòжат/ меня на носилки, в автобус занесли меня, ручками помахали мне. Как я ехал – ничё не помню. Приехал автобус – я глаза открыл. Здание, кирпичное здание, красный кирпич такой. Дверь полая (открытая*), да. Здание одноэтажное, да. Смотрю, выходят две девуш-

ки. Сразу – дверцы в автобусе полые – забирают носилки, затаск/ы/вают прямо в это здание. Да. Зата/шш/или в это здание, несут-несут-несут-несут, в конец принесли. А тут, смотрю, раненые лежат, человек шесть, по эту сторону. А эта стенка свободна. А там у самого окна – вот там меня и положили, у окна. Ну чё, положили, лежу т/аперь/ я. Лежу я т/аперь/, слышу: кто-то идет. Смотрю, значит, – девушка... Така красавица, така красавица, так бы на неё и смотрел, наверно, а/х/а. И так она запомнилась мне, глаза, да. «Ну как, миленьк/а/й?» – ко мне наклонилась. «Да ничё не чувствую, ничё не чувствую. Жить буду?». «Будешь жить. Будешь жить, миленьк/а/й». Всё «миленьк/а/й», да «миленьк/а/й». Сразу мне – раз – градусник поставила, укол поставила, вот. И всё время говорила: «Я скоро приду, я скоро приду». Это в полевой госпиталь я угадал. Но я недолго там был, недолго – восемь дней. На девятый нас отгрузили – вот в Москву и привезли. Вот так. Вот эта красавица за мной ходила здорово. И она меня кормила. У меня сил не было подняться, сесть, силы не было у меня. Она меня кашей манной кормила, кашу манную и молока. Я всё говорил: «Я не буду кушать». «Нет, нужно, – говорит. – Вы много крови, – говорит, – потеряли. Кушать не будете – плохо Вам будет». Когда на ...опу стал садиться, потом сам стал есть, хе! Я всего восемь дней там находился».

- Иван Титович, вы были в плену?

Смеётся: «Такие не попадались в плен».

- Насколько на фронте ощущалась помощь союзников?

«Колбаса была американская. Я знаю. Хорошая колбаса, вкусная».

- Где и как Вы встретили День Победы?

«День Победы я встретил дома. С большим горем я встретил День Победы. Кто-то радовался, а я ниско/ко/. У меня у жены рыбный пункт сторел, рыбы там было тонн 20 и мороженой, и солёной. Это горе было для меня, в День Победы. Люди гуляют, пьют, а я сижу в горе».

- А как так случилось?

«Кто-то поджег что ли. Были, видимо, враги».

Вот такая потрясающая беседа состоялась в феврале 2010 г.

Но первый раз я встретила с Иваном Титовичем в июле 2007 г. в Музее боевой и трудовой славы имени И.М. Деменина (в котором только начала работать – с 2 мая 2007 г.), по инициативе члена Совета ветеранов Натальи Самуиловны Голощаповой. И эта встреча была первым потрясением, удивлением, восхищением!

«Титыч» - так любовно, с огромным уважением и почтением называли этого необыкновенного человека не только мои родители, впоследствии ставшие большими друзьями Ивана Титовича и его дочери Надежды Ивановны, но и множество его знакомых, приятелей и родственников. В музей Иван Титович прибыл (именно прибыл с военной выправкой, цепким, зорким и удивительно добрым взглядом) со своим правнуком – тёзкой Ваней. Ваня и выступил интервьюером своего героического прадеда. Мы приведём лишь некоторые отрывки из интервью десятилетней давности.

Лилия Шибаета